

Летом 1962 года, когда я трудился ветеринарным фельдшером в деревне Малинино Куйбышевского района Новосибирской области, у нас работал пастухом запомнившийся мне, замечательный человек Поршнёв Александр Дмитриевич. Этот худощавый, жилистый и подвижный, среднего роста, около пятидесяти лет от роду, видимо, родившийся в начале прошлого века в этой же деревне... Мужик внешне вроде бы ничем особенным не выделялся. Наверное, в силу жизненных обстоятельств в молодые годы выучиться не смог, но зато был ценным для колхоза и людей, живших рядом с ним, трудолюбивым и безотказным работником. Также добросовестно и честно все военные годы отслужил в армии, защищая нашу Родину от фашистов. Не знаю его боевых заслуг, но абсолютно уверен, что этот скромный, как большинство фронтовиков-крестьян тех лет, их имел немало, потому что и в крестьянском труде, уже при мне, на моих глазах, был таким же добросовестным. В пятидесятые-шестидесятые годы прошлого столетия вокруг фронтовиков, вернувшихся с войны живыми и которых было ещё достаточно много, не было ещё той, часто формальной (для отчётов) пропагандистской пены, тогда было не до этого, работает мужик, ну и ладно, и – молодец!

Сложил впечатление о человеческих качествах Александра Дмитриевича Поршнёва я по совершенно незначительным, казалось бы, эпизодам. Частенько я вместе с доярками ездил на пастбища, чаще на обеденную или вечернюю дойки, и, пока женщины доили коров, а бригадир принимал у них

молоко, пастухи стреноживали волосяными «путами» передние ноги коней, ослабляли подпруги сёдел, не снимая их, отпускали на волю пощипать траву и здесь же у стада сами отдыхали. Если ко мне, как к ветеринару, кто-то обращался, я делал своё дело и потом располагался рядом с пастухами. Мне нравилось с ними пообщаться: вместе посидеть покурить, послушать различные разговоры. Одним из них был дядя Саша, которого я чаще уважительно называл по имени-отчеству. Что запомнилось?

Как-то я несколько раз делал ему какие-то незначительные замечания по работе: пастухи частенько вступали в распри с доярками, возможно, в связи с этим и были разногласия. Как же его задевали сделанные мной замечания! Он смущался и оправдывался, прямо как провинившийся школьник перед учителем. Он, фронтовик, оправдывался и смущался передо мной, двадцатилетним парнем, так, что мне самому становилось стыдно. Передо мной был пример честного и добросовестного поведения простого труженика, много испытавшего в жизни, но не озлобившегося и не потерявшего лучших человеческих качеств.

И ведь в те времена ещё трудились довольно много таких, по-своему уникальных, честных, но притом, вовсе и не безгрешных мужиков. Одним из них и был дядя Саша Поршнёв.

Ну, любил он баб, то есть женщин – и всё тут! Грешно это или нет, не знаю. Пусть кто безгрешен, тот и бросит в него осуждающую мысль, а я – не могу! Общался дядя Саша с доярками шумно, со смешками да подковырками, перемежая реплики незлобными, «украшающими» его живую речь, матершинными словами, на которые никто не обращал внимания. А когда слишком увлекался, они его дружно осаживали, стыдили и порой доводили упрёками даже до смущения. Женщины его знали, чувствовали и частенько, как заигравшегося

бычка, быстро ставили в «стойло», то есть в рамки. Была у него и семья: жена Анна Ефимовна, невысокая, полная, округлая женщина, были и дети. Говорили, что его беспокойная, ревнивая, боявшаяся за сохранность семьи, супруга даже жаловалась на мужа управляющему, называла ему имена «грешниц», якобы имевших контакты с её супругом. Но что мог сделать сам, по-видимому, не очень безгрешный Прокоп Павлович? Делал, конечно, по обязанности, замечания или, при случае, вместе с мужиками безобидно подсмеивался над «героем», то ли осуждая, то ли – завидуя ему.

– Ну и Дмитрич! Вроде и не красавец вовсе, чем же ты их берёшь? Наверное, какой-то инструмент секретный имеешь, поделись, скажи, не жадничай, – «подначивали» его.

– Да пошли вы! Баб слушаете, тоже, судьи нашлись, – а сам, лукаво улыбаясь, добавлял, – вы чё, завидуете ли, чё ли? Или вас учить надо. Мне ещё ни одна баба претензий не делала, не знаю, о чём вы треплетесь.

Слушал я тогда эти рассказы о дяде Саше и вспоминал известного персонажа из книжки «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова, которую недавно прочитал, «застенчивого воришку» – завхоза. Он крал или обманывал кого-то, всегда краснея, смущаясь и стыдясь своих поступков, якобы осуждал себя, но далее, опять также смущаясь, продолжал воровать. Этаким стыдливый, благородный вор-профессионал!

Александр Дмитриевич мог напоминать «застенчивого воришку», но только действовал он в другом, более «благородном» и юридически безопасном ключе: брал только то, что лежало на поверхности, что само шло в руки и даже согревало душу. А когда его осуждали, он, хоть и оправдывался, но не очень активно: пристыжено помалкивал и в споры старался не вступать. Да он, наверное, толком и не понимал, в чём же и перед кем провинился, за что же здесь осуждать, ведь к нему ещё ни одна баба, кроме, конечно, жены, никаких претензий

не предьявляла. Да и чего, мол, они, эти мужики хитрят, он что, грешнее их что ли? После таких рассуждений картина в сознании дяди Саши складывалась вполне безобидной.

Однажды с Александром Дмитриевичем произошёл случай, о котором до сих пор помнят живые старожилы деревни. Как-то в разговорах с доярками, скотниками, такими же, как он, пастухами, дядя Саша пожаловался:

– Скажите, почто такая несправедливость: работаю я уж сколь лет, вроде бы без особых замечаний и на войне был, хватил по самую, что надо, неужели я не заслужил?

– Чего заслужил, о чём ты?

– Другим путёвки дают для отдыха на курорты там, санатории всякие, а я-то что – хуже всех?

– А ты хоть когда обращался к кому-нибудь за путёвкой-то?

– Да нет, а они, наши начальники-то, чё сами не видят, кто как работает и кто заслуживает, почему я должен бегать просить?

– Ну, ты, Дмитрич, прямо, как ребёнок, у начальства-то что, забот нет, должны они за каждым бегать? Ты сам-то пошевелись, напиши заявление директору, в профком или кому-то там ещё, ты что забыл, что «овёс к коню не ходит?»

Скоро эти разговоры и жалобы дошли до управляющего. В один из весенних дней, когда шла подготовка к переводу животных на летнее содержание в район озера Мочище, при встрече на ферме с Александром Дмитриевичем управляющий Прокоп Павлович Токарев ему говорит:

– До меня дошли слухи, Дмитрич, обижаешься на кого-то, что, мол, тебя, участника войны, обходят, не дают путёвки на отдых и лечение. Другим дают, а тебе – нет. Ты почто такой-то? Не можешь спросить, что ли? Откуда я знаю, что у тебя

там в голове. Сказал бы, я бы похлопотал, может, и давно уж решили этот вопрос.

– Ладно, Прокоп Павлович, это я так, между собой вёл разговор, пока здоровье вроде терпит, но и то сказать: почитай с самой войны работаем без отпусков, хочется хоть как-то отдохнуть, рази не так?

– Да так, так, всё так. Я буду иметь в виду. Завтра, кстати, поеду в контору, поинтересуюсь, может, что-то есть.

Через день, вновь встретив Поршнёва, управляющий его остановил и говорит:

– Александр Дмитриевич, вчера я был в конторе совхоза. Бухгалтерша сказала мне, что есть путёвки в санаторий, который называется «Мочище», хочешь, пошлём тебя туда?

От такого предложения, лицо Александра Дмитриевича налилось краской, глаза заблестели, челюсти сжались от злости.

– Ну, Прокоп Палыч, – сквозь зубы ответил он растерявшемуся, ничего не понимающему управляющему, – от кого-кого, а от тебя я такой насмешки не ожидал. Чё вы все смеётесь надо мной! – повысил он голос. – Это ваше Мочище у меня уже во где стоит, – провёл он ребром ладони по своему горлу, – шуточки всё разводите! Да пошли вы все к «едреней Фене», шутники! – воскликнул он, махнул рукой и почти бегом бросился от Прокопа Павловича.

– Да погоди ты, Митрич! Ты что одурел, что ли, я же серьёзно, – уже вдогонку закричал управляющий вслед обиженному мужику, но тот даже не обернулся.

Вот что потом рассказывала его жена Анна Ефимовна соседям и женщинам:

«Мой-то, вчерась, прибежал, как сумасшедший, не то его кто-то кипятком ошпарил, мечется по комнате злой, остано-

виться не может. Я говорю: «Что с тобой, чё случилось ли чё ли?». А он говорит: «Представляешь, Нюра, мальчика из меня делают, сволочи, насмешки строят, будто я пацан какой-то!» А я уж и боюсь его переспрашивать, думаю, ещё побьёт, с него ведь станется. «Ну, говори же, прошу, чё ты бегаешь, как палкой побитый, кто тебя извёл-то?» – «Помнишь, я как-то жаловался мужикам, что кому-то путёвки дают на отдых, а я-то разве хуже других, не заслужил? С самой войны вкалываю, почитай без отдыха, рази не так?

– Ну, и чё? Не дают, ли чё ли, отказали?

– Дают, дают, – и засмеялся, зло так, – представляешь, – говорит, – Прокоп Павлович сёдни мне сказал: «Мы тебя в этот год хотим послать отдохнуть в Мочище», – и сам заругался таким матом, даже страшно сделалось, так думаю, ещё чего, побьёт меня. Вообще-то, он больше кричит, не дерётся.

– Чего же это удумали-то оне, – говорю, – надсмехаться-то над человеком! Может, я сама пойду поговорю с Прокоп Палычем, он мужик-то, как я знаю, неплохой, вроде? Чё ж над фронтовиком-то изгаляться!

– Не хватало ещё, ты полезешь. Скажут ещё: «Выпрашивают, вымогают». «Ну их к такой-то матери», – сказал зло так и ушёл, лёг в кровать, даже исть не стал.

На следующий день, как всегда утром, дядя Саша, направляясь на ферму, решил по пути зайти на водокачку, где на первом этаже в это время обычно управляющий распределял работы на предстоящий день. Переступив порог, увидел нескольких мужиков-механизаторов и за столом Прокопия Павловича, что-то объясняющего им. Увидев вошедшего, разговоры прекратились, и все обратили молчаливые взоры на Александра Дмитриевича, а управляющий быстро встал из-за стола и направился ему навстречу с протянутой правой рукой.

– Здорово, здорово! Ты что же это, Митрич, обиделся на меня, что ли?

– Да я ничё, – смущённо пожал плечами Александр Дмитриевич, явно не зная, как себя вести.

– Я же серьёзно говорил с тобой, а ты, как уросливый конь, только хвостом махнул и убежал.

– Да ладно, ладно, – проямлил мужик.

– Нет, ты меня извини, я даже как-то не догадался и не подумал, что ты так сообразишь, мне и в голову не могло прийти такое, до меня только потом дошло, что ты, наверное, подумал, что я тебе на наше озеро Мочище предложил поехать отдохнуть летом, да? – Прокоп Павлович, не выдержал, наконец, и обращаясь к мужикам, стал объяснять, однако удерживая Митрича за руку, чтоб тот опять не убежал.

– Представляете, мне вчера в конторе сказали, что есть путёвка в санаторий «Мочище», может, кто слышали о таком? Вот я и предложил ему, – указал он на Поршнёва, – поехать туда отдохнуть летом. Так вы знаете, он на меня чуть ни с кулаками бросился: «Вы что, говорит, издеваться надо мной вздумали! Нашли мальчика!» Матом меня обложил и убежал. Ну, ты и даёшь, ну, удивил же меня, Митрич! Я же тебе предлагал настоящую путёвку в настоящий санаторий, чудак ты человек, я эту путёвку держал в руках, там так и написано: санаторий «Мочище».

Всё это управляющий объяснял растерявшемуся мужику, еле сдерживая смех.

– Мне самому вчера объяснили, что, оказывается, есть такой санаторий где-то недалеко от Новосибирска, на берегу Оби, в сосновом бору. Говорят, там очень хорошо. Если ты согласишься, я сегодня поеду в контору по делам, возьму эту путёвку привезу тебе – и поезжай, отдыхай. Чё ты на меня смотришь, не понял, что ли?

Ошарашенный такими известиями, Дмитрич, только изображая на лице нечто подобное улыбке, растерянно моргал, озираясь на присутствующих мужиков.

– Конечно, ты нам нужен, – продолжал объясняться управляющий, – сам понимаешь, сезон начинается летний, но уж как-нибудь перебьёмся – не часто такое перепадает. Найдём тебе замену, ты, правда, заслужил отдыха. Представляешь, двадцать четыре дня! Баба твоя здесь, наверное, похудеет, тебя ожидаючи, ну, так что, брать путёвку-то?

– Ну, да, если можно, я с удовольствием и... благодарностью... – растерянно залепетал Александр Дмитриевич.

В это мгновение терпение у присутствующих лопнуло и все разразились дружным добрым смехом. Заулыбался, наконец, и сам виновник несостоявшегося скандала.

– Всё ничего, Митрич, но мне думается, у тебя там никакого отдыха не получится, вернёшься к нам сюда совсем измотанным, – перекричал всех один из механизаторов, человек с ехидцей и известный пересмешник.

– Это почему? Я же там отдыхать буду, да и, наверное, кормить будут не хуже, чем моя баба, а главное-то – хоть от коров отдохну, – ответил уже повеселевший мужик.

Тут, наконец, смысл шутки дошёл и до нашего героя, он зарделся открытой улыбкой. Видно, ему шутка понравилась, и общий дружный смех продолжился.